

УДК 94 (477.74+498) «1918/1940»

ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В ЮЖНОЙ БЕССАРАБИИ ПОД РУМЫНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ (1918-1940)

Артур Тулуш

«Dunarea de Jos» University of Galati (Университет «Нижний Дунай»)
 România, 800008, Galați, str. Domnească, 47
 e-mail: arthurtulus@yahoo.com

В конце Первой мировой войны благоприятная международная ситуация, образовавшаяся в результате поражения Центральных государств и распадом Царской России вследствие большевистской революции, привела к воссоединению «*România Mare*» («Великой Румынии»*) или «*România Reîntregită*» («Воссоединенной Румынии»), как принято называть в румынской историографии. В частности, в течение 1918 г. к «*Vechiul Regat*» (Старое Королевство – название данное румынскому государству, которое образовалось в 1859 г. путем объединения Молдавии и Валахии) был присоединен ряд провинций, претензии на которые Румыния всегда имела: Бессарабии – которая была инкорпорирована Россией в 1812 г.; Трансильвания, Буковина и Северный Банат – присоединенные в разные исторические моменты к Австро-Венгрии.

Территориальный рост и удвоение численности населения в межвоенный период превратили Румынию в сильное европейское государство, что, однако, имело и некоторые недостатки. В состав Румынии в новых границах 1918 г. вошел значительный процент населения, которое принадлежало к другим этническим группам, что привели к переходу от относительно однородной этнической принадлежности к более гетерогенной. В Старом Королевстве, за результатами переписи 1899 г., 92,2% населения считали себя этническими румынами, в то время как национальные меньшинства составляли лишь 7,8% (из которых 4,3% были евреями) [8, стр. 612]. Расширение Старого Королевства после 1918 г. путем присоединения провинций со значительными группами национальных меньшинств оказало значительное демографическое влияние.

По данным Всеобщей переписи декабря

1930 г., единственного демографического анализа межвоенного населения Румынии, этническая статистика была следующей: румыны – 71,9% (всё население Румынии), 56,2% (Бессарабия) и 23,82% (юг Бессарабии, которая включает в себя межвоенные графства Измаил и Аккерман); венгры – 7,9% (Румыния), менее 0,1% (Бессарабия в общем); немцы – 4,1% (Румыния), 2,8% (Бессарабия) и 9,98% (южная Бессарабия); евреи – 4,0% (Румыния), 7,2% (Бессарабия) и 3,12% (южная Бессарабия); русины и украинцы – 3,2% (Румыния), 11% (Бессарабия), 14,25% (южная Бессарабия); русские – 2,3% (Румыния), 12,3% (Бессарабия) и 22,22% (южная Бессарабия); болгары – 2,0% (Румыния), 5,7% (Бессарабия) и 20,22% (южная Бессарабия); цыгане – 1,5% (Румыния), 0,5% (Бессарабия) и 0,35% (южная Бессарабия); турки – 0,9% (Румыния), менее 0,1% (Бессарабия в общем); гагаузы – 0,6% (Румыния), 3,4% (Бессарабия) и 4,14% (южная Бессарабия); другие народы – 1,6% (Румыния), 0,9% (Бессарабия) и 0,75% (южная Бессарабия) [6, стр. XXIV-XXVI, 124-125, 264-265].

Данные, полученные в ходе переписи 1930 года подтверждают космополитизм и мультикультурализм, который существовал между двумя мировыми войнами в южной провинции между Прутом и Днестром. Вышеуказанное дает право утверждать, что среди населения Измаила и Белгорода румынская этническая составляющая (23,82%) была почти равна русской (22,22%) и болгарской (20,22%), а затем украинской (14,25%), германской (9,98%), гагаузской (4,14%) и еврейской (3,12%).

Румыния, как и любое национальное государство, пыталась интегрировать этнические меньшинства. Конституция 1923 г. превратила Румынию в политически централизованное государство, где большинство решений принимались в Бухаресте политиками, которые не принимало во внимание региональные особенности [3, см. текст Конституции Румынии

* Данные термины относятся к истории Румынии межвоенного периода (1920-1940), когда территория Румынского государства имело наибольшие размеры в своей истории. – *Здесь и далее примечания и уточнения редакции. Гл. ред. Александр Тригуб.*

1923 г.]. Возможно из-за этого румынские власти не смогли полностью привлечь и эффективно интегрировать новых граждан Румынии из других этнических групп, порождая кризис и разочарование среди них. С другой стороны, неспособность государства к эффективной интеграции национальных меньшинств приняла форму стереотипов и предрассудков, что отдельные этнические группы – особенно евреи, венгры, русские, украинцы и болгары – априори имеют антинациональные чувства (антигосударственные или антирумынские). В результате зародился виток подозрительности, подпитываясь разными субъективными и объективными факторами, которые, создавшись, уже были неискоренимы. Таким образом, румынское государство огульно подозревало представителей указанных выше этнических групп в нелояльности, в отношении которых местным властям была поставлена задача тотального контроля за деятельностью их объединений и при малейших признаках нелояльности вводились строгий режим и цензура. К сожалению, «презумпция виновности» действовала в качестве препятствующего фактора в стремлении интегрировать национальные меньшинства [10, с. 41-359; 9, с. 132-161].

Тем не менее, мы можем привести в пользу румынского правительства смягчающие обстоятельства, вытекающие из самозащиты от опасности цепной реакции из стран с большевистской идеологией, страх, который охватил умы румынских государственных мужей. В этом отношении более всего отличалась Бессарабия, которая по линии Днестра рассматривалась Бухарестом в качестве наиболее уязвимой границы Румынии в межвоенный период, и ее безопасность представляла собой главную заботу румынских властей. Препятствовать множеству беженцев из Украины в Бессарабию не было возможности и среди них легко могли замаскироваться большевистские агенты, которые с 1919 года получили задачу формировать ячейки как в Бессарабии, так и в остальной части Румынии [12, л. 1]. Кроме того, румынские власти выявили и арестовали несколько из этих групп в Белгород-Днестровском, Кишиневе, Бендерах, Оргееве и т.д., что привело к инцидентам в Татарбунарах в 1924 г. [см.: 2; 7].

Создание в 1918 г. в Тульче лагеря для приема беженцев из охваченной гражданской войной России, открыло возможность распространения коммунистической пропаганды в провинциях Старого Королевства. Посте-

пенно, в 20-е годы, приемные лагеря были расформированы и беженцы смогли поселиться в любой части Румынии, за исключением пограничных районов. Эта мера способствовала распространению большевистских лазутчиков и их идеологических сторонников, которые смогли образовать ячейки в нескольких частях страны [13, л. 22-25]. Румынские власти несколько позже, в 1941 г., сообщают, что уязвимость границы на Днестре в течение 1919-1921 гг. позволила НКВД направить обученных агентов, которые впоследствии проникали в различные учреждения, включая Галац [1, файл 28, л. 60].

Наблюдение и сбор информации о подрывном движении на юге Бессарабии стало одной из самых важных целей полиции и органов безопасности Румынии, поскольку именно здесь, в Белгород-Днестровском округе, прошел «бунт» в Татарбунарах в сентябре 1924 г., который должен был быть искрой большевистской революции в Румынии. Из 287 обвиняемых в связи с событиями в Татарбунарах на суде, проводимом в период с 24 августа по 2 декабря 1925 г., только девять были румынскими молдаванами, а остальные принадлежали к другим этническим группам [4, с. 123-125]. Между 1918-1934 гг. власти Белгород-Днестровского округа обнаружили 15 коммунистических организаций, которые объединяли в общей сложности 575 членов, 24 советских шпионских организаций – 165 арестованных членов и семь террористических организаций – 89 членов арестованы [12, с. 219-235].

Среди прочего, подавляющее большинство из членов этих большевистских ячеек имели определенную этническую принадлежность – евреи, русские, украинцы и болгары. Утверждая это без какого-либо дальнейшего объяснения, мы бы дали искаженную картину этих этнических групп, учитывая, что в данный период лишь небольшой процент от их массы проводил работу в коммунистическом движении, объявленном вне закона румынскими властями в 1924 г. Таким образом, надо сказать, что русские, украинцы, болгары, и евреи из Бессарабии не проявляли особых коммунистических симпатий или особых пророссийских ностальгических чувств и, соответственно антирумынских, что реально следует от изучения документов в архивах г. Одессы (Украина) [см.: 10].

Если этническими румынами между Прутом и Днестром объединение 1918 г. с Румынией было принято с радостью, то русскими,

украинцами и евреями отрыв Бессарабии от Украины наоборот представлялся противостественным и brutальным разрывом исторических, экономических, торговых и семейных связей, налаженных при царском режиме. Кроме того в южной части Бессарабии для этнических меньшинств, упомянутых выше, отрыв края от Украины ощущался наиболее остро, потому что «все дороги вели в Одессу». Разрыв Днестра от торгового центра, которым являлся Одесский порт, во многом объясняет, почему внешняя бессарабская торговля потерпела серьезный спад с 1918 г. и необходимо было длительное время для создания альтернативных торговых путей [5, с. 25-46].

На юге Бессарабии к категории этнических групп восточных славян вошли украинцы, русские и липоване. В случае липован, согласно переписи населения Румынии декабря 1930 г., то их не выделили в отдельную группу и они были включены в широкие массы этнических русских. Тем не менее, мы можем вывести их число обращаясь к особенностям их религии – липованского культа. По данным 1930 г. в Измаильском округе из 66987 этнических русских, 17055 жителей принадлежало к липованской религии. По результатам простого вычитания можно сделать вывод, что из заявленных 66987 этнических русских (100%), 49932 были русскими православными (74,54%) и 17055 липованами (25,46%) [6, с. 264-265, 653]. Таким же образом, в Белгород-Днестровском округе в конце 1930-х годов в общей сложности жило 58922 россиян (100%), из которых только 167 были липованской религии (0,28%), остальные православные (99,72%) [6, с. 124-125, 583].

В переписи 1930 г. украинцы и русины считались одним этносом. Несмотря на некоторые плюсы и минусы такой точки зрения, которую можно найти в современной историографии, мы с уверенностью можем сказать, что в южной Бессарабии население этой категории было включено к числу тех, кто называл себя украинцами. По заявлениям о гражданстве в Измаильском округе проживало только 10655 украинцев (4,72% от общего количества населения), то цифры Белгород-Днестровского округа выше до 70095 людей (20,54% от общей численности населения) [6, с. 124, 264]. К сожалению, почти во всех документах румынских чиновников межвоенного периода русские и украинцы рассматривались как единое целое, хотя часть украинской элиты хотели четкого отделения от русской население.

Лидерами украинской общины в южной части Бессарабии были, среди прочего, Григорий Середа из коммуны Плахтеевка, Гаврилюк Илья и Сусяк Александр из коммуны Саба, Арнаутов Александр, Танасов Леонтий из Белгород-Днестровского. Они, с помощью различных конференций и фестивалей, старались сохранить украинские национальные чувства и обычаи этой этнической группы [12, л. 737-740]. Упомянутые выше лица вместе с другими, как правило, подозревались местными чиновниками в подрывной (антигосударственной) деятельности и тщательно проверялись. 17 февраля 1934 г. румынские власти получили меморандум написанный Григором Середой о ситуации в украинской общине в Бессарабии, а также меры, которые должно принять правительство в Бухаресте относительно образования новых поколений этнических украинцев граждан Румынии.

Сначала Г.Середа оценивал количество украинцев в Бессарабии около 400000 душ (314211 чел. – по данным переписи декабря 1930 г.), большинство которых проживало в сельской местности, особенно в округах Белгород-Днестровский, Измаил, Хотин и Тигина (Бендеры). Украинцы в меньшем числе также жили и в других округах Бессарабии и некоторых городах. Подавляющее большинство украинского населения Бессарабии представляли крестьяне, другая значительная часть – промышленные рабочие, а затем ремесленники, купцы и интеллигенция.

Позже в своем меморандуме Григорий Середа выразил сожаление по поводу плачевного состояния украинской культуры в Бессарабии, поскольку при царском режиме не имелось даже школы с преподаванием на украинском языке. Таким образом, украинцы не желали русских школ, как дающих поверхностные знания и не имеющих представления о их национальности и правах, позволяя при этом проникновение в их язык значительного количества русских слов. «(...) Период принудительной русификации привел к искажению национального сознания украинцев, поэтому даже введение в школе украинского языка было принято народом деревень с недоверием, поскольку украинский язык был признан языком неграмотных людей, а великорусский язык превосходящим» [12, л. 111-132; 10, с. 199].

Возвращаясь к моменту написания меморандума украинского националиста необходимо отметить, что он должен быть связан с

политикой либерализации румынским государством общественного обучения, что позволило дать возможность к созданию сети собственных школ для каждого признанного этнического меньшинства – смотрите изменения министром образования Константина И. Ангелеску в 1934 г. Закона о начальном образовании от 1924 г. и Закон о среднем образовании 1928 г.

В это благоприятное время для возвращения учебы на родном языке, Г. Середя забил тревогу насчет выборов некоторых украинцев, которых он считал «русифицированными». Кроме того, как заявил он, отсутствовала традиция преподавания на украинском языке, единственный период, когда функционировали такие школы – это 1917-1922 гг., после чего румынское государство запретило обучение на родном языке этническим меньшинствам. В своем меморандуме украинский националист указал основные аргументы «русифицированных» украинцев, которые выбрали обучение на русском, а не на родном украинском языке:

1) обучение местного населения, сформированное в прошлом, предполагает русскоязычную школу;

2) отсутствие учебных материалов и учителей украинцев;

3) предпочтение российской культуры (т.е. великорусской) и мизерность или отсутствие украинской культуры (теория поддержки русскоговорящих).

Григорий Середя сам себе задавал вопрос: «Что делать, если население (украинское) явно требует преподавания русского языка?»

Ответ будет таким:

«Румынское государство не обязано уважать пожелание меньшинства населения на основе некоторых заблуждений. Шагая слишком далеко в сторону либерализма и толерантности можно было бы ввести причудливый принцип, согласно которому было бы принято, что каждый гражданин может выбирать на свое усмотрение преподавания языка в школах. Или я убежден, что в государственной идеологии не входят такие понятия.

Повсюду еще возникает вопрос: на базе обучения лежит язык или неоспоримый принцип. Этот принцип дополняется вторым: для обучения на родных языках меньшинств.

Что такое родной язык не должно быть объяснено. В любом случае это не язык, который индивид присвоил под иностранными влияниями, а то, что он использует обычно дома, в ежедневных отношениях с лю-

дьми той же этнической группы, и который использовался предыдущими поколениями его семьи.

Подходя к проблеме с другой стороны, то можно было бы сделать вывод, что в русских школах в Бессарабии могли бы учиться и великороссы, и украинцы, евреи, болгары, немцы, и даже молдаване в связи с тем, что большинство представителей этих этнических групп освоили русский язык и хотят дать своим детям образование, сохраняя традиции под влиянием иностранного (русского).

Государство обязано поставить конец такой тенденции и использовать принцип: никто не может выбрать язык обучения в школе, как ему по душе, и обязан выбрать язык государства в качестве единственного языка или родной с государственным языком» [12, л. 111-132; 10, с. 201-202].

В принципе, предложения Григория Середы выражали позицию украинских националистов, которая пошла еще дальше, указывая румынскому государству о необходимости заставить «русифицированных» и лишенных своей собственной культуры украинцев из-за длительного денационализованного влияния царской администрации, восстановить этническую идентичность и прошлое, которое по их мнению связано с «дерусификацией».

Но как определить родной язык у восточных славян из Бессарабии. Для того, чтобы найти наиболее правильное решение в попытке дифференцировать украинцев от великороссов, Григорий Середя обращается к «наименованию» или имени, которые отличают эти две крупнейшие этнические группы.

В случае родного языка, говорит Г. Середя, «иначе обстоит дело с украинцами в Бессарабии, которые привыкли применять название «хохлы», «украинец», «малорос» и «русский». Если большинство из этих людей спросить, кто они, они не дадут точного ответа, используя вместе два, три или все четыре из этих наименований вместе.

На вопрос, какой язык является родным, почти никто из неграмотных людей не даст ответ, это понятие не было известно в России до революции. На вопрос, какой язык вы хотите в школу, большинство ответит – «русский».

Очевидно, кто не знаком с тайнами этого странного менталитета, признают, что если человек не знает название своей национальности, то они не смогут найти точные указания в какие этнические группы включить этих странных людей.

Поэтому требуется какое-то объяснение слов «хохол», «малоросс», «украинец», все это применимо к украинцам с бывшей России. Понятие «русский» также применимо к украинцем, но имеет двойное значение:

– как знак принадлежности к одной славянской национальности, которая в начале истории восточных славян была уникальной, но потом произошел процесс разделения на две ветви и сформировались два понятия: «Украина» и «Велико-Россия»;

– чувство принадлежности к государству, которое было названо «русским».

Все эти понятия остались в языке синонимов. Для того, чтобы установить полное понимание того, как индивид понимает свое гражданство, должно поставить украинцам вопрос, считает ли он себя «хохлом» или «малороссом», или «русским», или «кацапом»* [11, с. 246], вещи будут сразу ясными, что ни один «хохол», «малоросс», «украинец» или «русский» не будет согласен быть назван как «кацап» (народное название для великороссов).

Так что утверждение, что кто-то хочет преподавания на русском языке не то же, когда украинский называют его «русским». Для того, чтобы быть «русским», не обязательно иметь в качестве родного языка «великорусский».

Сохранение условия, что все это путаница, так как они находятся в бессознательном состоянии, проявляется в использовании людей неграмотных. Образованные люди часто признают тот же вывод, но не всегда бессознательно, а использование запутанных различных концепций часто предназначено, чтобы запутать и ввести кого-то в заблуждение. Я уверен, что они найдут много тех, кто будет использовать эту игру слов, чтобы ввести в заблуждение представителей румынского государства и убедить их в необходимости ввести преподавание в школе русского языка» [12, л. 111-132; 10, с. 202-203].

В заключение Г. Серета предложил восточным славянам, которые отождествляются с прозвищем «кацап» (применимо только к великороссам), быть обязанным румынскими властями, чтобы посещал школу только на украинском языке (родной язык) или на румынском языке (как официальный язык).

В какой степени Г. Серета был прав насчет «русификации» украинцев, мы можем сделать вывод по переписи населения Румынии

в декабре 1930 г., путем сравнения двух статистических показателей: по заявленной стране и родному языку. Таким образом в Измаиле проживало 10655 украинцев (декларированы как нация), но только 9571 человек обозначили украинский язык родным. Делая простое вычитания между этими двумя показателями, можно выделить и масштабы этого явления. В основном, в 1930 г. в Измаильском округе жило 1084 этнических украинцев (10,17% в массе населения украинцы), который использовали другой язык, а не украинский (скорее всего русский). Теми же методами, в Белгород-Днестровском округе ситуация выглядит следующим образом: 70095 этнических украинцев (как нация), 67590 носителей украинского языка, разница 2505 этнических украинцев, которые использовали в качестве родного языка другой вместо украинского (3,57% в массе украинского населения) [6, с. 124-125, 264-265].

Анализируя параллельно ситуацию меньшинств и родного русского языка, мы находим, что отношение двух показателей восстанавливается. Таким образом, в Измаильском округе проживало 66987 этнических русских (как нация) и 75303 людей объявили русский язык в качестве родного языка. Соответственно, в Белгород-Днестровском округе проживало 58922 этнических русских (по нации), но 64617 русскоговорящих [6, с. 124-125, 264-265].

В этом случае мы можем сделать некоторые выводы. Во-первых, в 1930 г. 8316 человек, проживающих в Измаильском округе и 5695 чел. в Белгород-Днестровском заявили русский язык своим родным языком, но не рассматривались как принадлежащие к этническому русскому меньшинству (великороссам). Во-вторых, русификация царского периода повлияла и на другие этнические общины в южной Бессарабии, где кроме украинцев число этнических нерусских и русскоговорящих превзошло этнических украинцев, говорящих на русском как на своем родном языке, что свидетельствует о масштабах явления ассимиляции в Царской России. К такому выводу пришел и украинский националист Григорий Серета.

К сожалению, межвоенная румынская государственная политика колебалась в поддержке прав меньшинств на образование на своем родном языке. Позже эта стратегия провалилась, когда в Бессарабии русский язык стал главным языком общения недовольства и неудовлетворенности людей к ру-

* Кацап – прозвище данное малороссами великороссам, также – москаль, но последнее означает б.ч. русского солдата, военного. – В. Даль.

мынскому правительству, независимо от их этнической принадлежности и вероисповедания.

Наконец, близость Советского Союза и опасности заразы большевизма негативно влияло на отношении румынского государства к некоторым этническим меньшинствам в Бессарабии, в том числе этнических русских и украинцев. Хотя большую часть времени власти считали восточных славян относительно компактным этническим блоком, на самом деле часть украинской элиты стремилась к отсоединению от великороссов как части единого обширного процесса *дерусификации* и строительства одной культуры и национальной идентичности.

ІСТОЧНИКИ І ЛІТЕРАТУРА:

1. Direcția Județeană a Arhivelor Naționale Galați, fond Inspectoratul Regional de Poliție Galați. Biroul Administrativ, dosar 28/1939.
2. Husărescu, Z.I., *Mișcarea subversivă în Basarabia*, Imprimeriile Statului, Chișinău, 1925.

3. «Monitorul Oficial», nr. 282, din 29 martie 1923.
4. Nouzille, Jean, *Moldova. Istoria tragică a unei regiuni europene*, Editura Prut Internațional, Chișinău, 2005.
5. Panaitescu, Scarlat, *Aspecte economice și sociale din Basarabia (1920-1926)*, Tipografia Cartea Românească, Chișinău, 1926.
6. *Recensământul General al Populației României din 29 decembrie 1930*, publicat de Sabin Mănuilă, vol. II (Neam, limbă maternă, religie), Imprimeria Națională, București, 1938.
7. Rotari, Ludmila, *Mișcarea subversivă din Basarabia în anii 1918-1924*, Editura Enciclopedică, București, 2004.
8. *The New International Yearbook: A Compendium of the World's Progress for the Year 1915*, Edited by Frank Moore Colby, Published by Dodd, Mead & Co., New York, 1916.
9. Tuluș, Arthur Viorel, *Aspecte din viața comunităților evreiești din jurul Gurilor Dunării (până în 1938)*. Mituri istoriografice, percepții contemporane și realități istorice, Editura Istros a Muzeului Brăilei «Carol I», Brăila, 2016.
10. Tuluș, Arthur Viorel, *Stări de spirit ale populației din județul Cetatea Albă între anii 1933-1934 (Documente din Arhiva de Stat a regiunii Odessa)*, Editura Istros a Muzeului Brăilei «Carol I», Brăila, 2016.
11. Даля, Владимира, Толковый словарь живого великорусского языка, Томъ Второй: И-О, Издание Т-ВА М.О. Вольфъ, С. Петербургъ-Москва, 1905.
12. Державний архів Одеської області (Україна), ф.891, д.71, 559 л.
13. Там же, ф.892, д.4.

Тулущ Артур Східні слов'яни з Південної Бессарабії під Румунською адміністрацією (1918-1940)

Дослідження має на меті проаналізувати становище східних слов'ян із Південної Бессарабії, географічної зони, яка перекрила міжвоєнні райони Ізмаїла та Білгород-Дністровського. До категорії, яку ми називаємо східними слов'янами, входять великороси (православний російський етнос і суб-група ліпован) і малороси (українці). Дослідження прагне зафіксувати та зрозуміти відносини між Румунською державою та названими етнічними групами, сприйняття її ідентичність, стереотипи та забобони того часу, у контексті Бессарабії, яка вважалася румунською владою як фронт у боротьбі з більшовицькою загрозою.

Ключові слова: Південна Бессарабія, міжвоєнний період, румунська політика, національні меншини, дерусифікація, мовне питання

Тулущ Артур Восточные славяне из Южной Бессарабии под Румынской администрацией (1918-1940)

Исследование имеет целью проанализировать положение восточных славян из Южной Бессарабии, географической зоны, перекрывшей межвоенные районы Измаила и Белгород-Днестровского. К категории, которую мы называем восточными славянами, входят великороссы (православный русский этнос и суб-группа липован) и малороссы (украинцы). Исследование стремится зафиксировать и понять отношения между Румынским государством и названными этническими группами, восприятия и идентичность, стереотипы и предрассудки того времени, в контексте Бессарабии, которая считалась румынскими властями как фронт в борьбе с большевистской угрозой.

Ключевые слова: Южная Бессарабия, межвоенный период, румынская политика, национальные меньшинства, дерусификация, языковой вопрос

Tuluș Arthur Eastern Slavs from Southern Bessarabia under Romanian administration (1918-1940)

The study intends to analyse the situation of the Eastern Slavs from Southern Bessarabia, the geographical area that overlapped the interwar counties of Ismail (Izmail) and Cetatea-Albă (Bilhorod-Dnistrovskiy). In the category we name as Eastern Slavs enter Velico-Russians (the Orthodox Russian ethnics and the Lippovan' subgroup) and Mallo-Russians (Ukrainians). The study endeavours to capture and to understand the relationship between the Romanian State and the named ethnic groups, perceptions and identity constructions, stereotypes and prejudices of the time, in the context of Bessarabia being considered by the Romanian authorities as the frontline in battling the Bolshevik threat.

Keywords: Southern Bessarabia, interwar period, Romanian politics, national minorities, derussification, linguistic question

Рецензенти:

Михайлуца М.І., д.і.н., професор

Тригуб О.П., д.і.н., професор

Надійшла до редакції 08.05.2017 р.